

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Ольга Зайцева

Три шага из детства

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Ольга Зайцева

Три шага из детства

Издательство «Детская литература»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зайцева О. В.

Три шага из детства / О. В. Зайцева — Издательство «Детская литература», 2017 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005636-9

Где проходит граница между детством и юностью? Что такое счастливое детство? Бывает ли оно без грусти и горя, обид и разочарований и одновременно без радости и надежды на будущее? И без разных смешных и нелепых происшествий, веселого смеха, без которого трудно жить на белом свете... Обо всем этом – повесть «Три шага из детства», написанная от лица героини, тринадцатилетней петербургской девочки Саши. И конечно же она о взрослении, о том, как из вредной, упрямой, задиристой девочки-подростка постепенно вырастает человек с характером, умеющий отвечать за свои поступки, а где надо, настоять на своем. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005636-9

© Зайцева О. В., 2017
© Издательство «Детская литература», 2017

Содержание

О конкурсе	6
Три шага из детства	7
Глава I	7
Трудности сочинительства	8
Потеряшка	13
В жизни всегда есть место подвигу	14
Глава II	19
«Семейный розмарин»	19
Великий и могучий	21
Хотели как лучше	22
История про блокаду	23
Когда тайное становится явным	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Зайцева

Три шага из детства

© Зайцева О. В., текст, иллюстрации, 2017

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2017

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов. В 2016 году объявлены победители пятого конкурса.

Отправить свою рукопись туда может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-лист конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

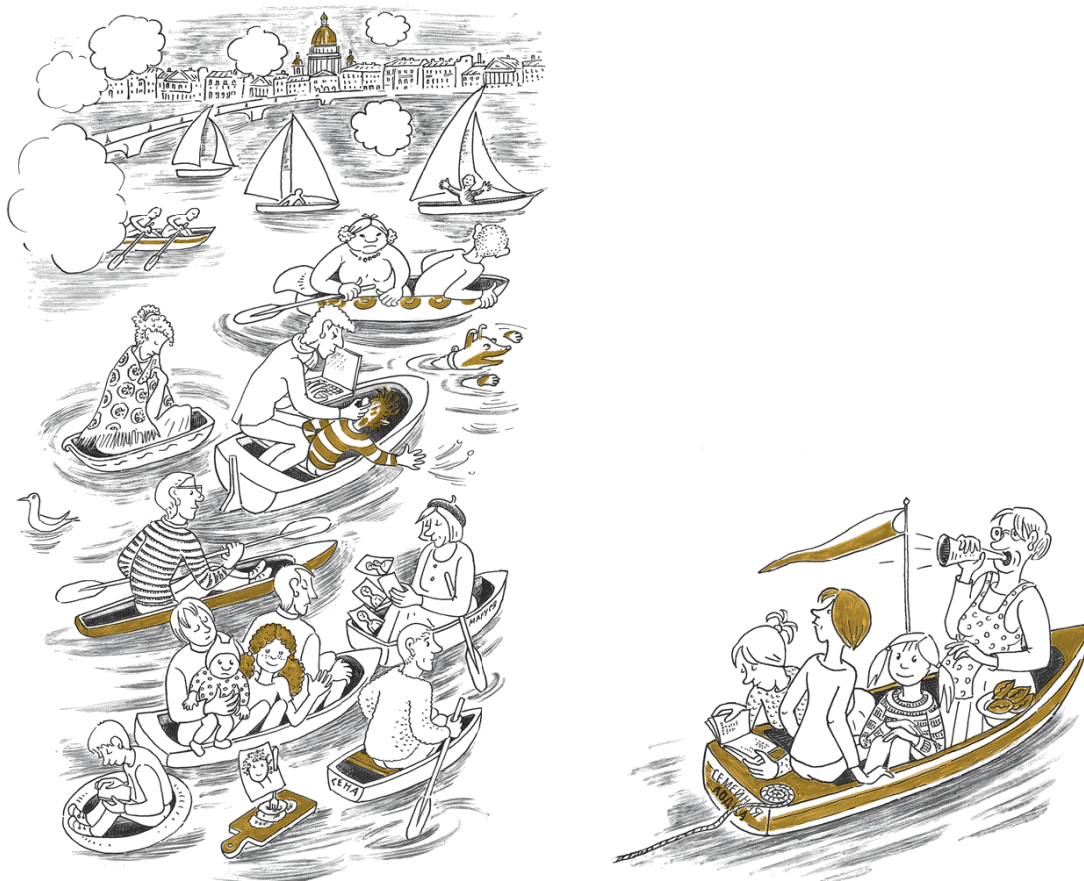
Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Три шага из детства

Повесть

Посвящается коту Шуре, который очень помог в написании этой повести

Глава I

Осень. Сочинение

Трудности сочинительства

В субботу после завтрака я отправила СМС моей подруге Лизе, и через пять минут мы с ней встретились на лестнице, у широкого подоконника между этажами. Это такая нейтральная территория между нашими квартирами – сидишь и ногами болтаешь.

Мы с Лизой соседки по дому и дружим, пока еще не переругались, хотя в школе сидим за одной партой. Наши родственники последнее не приветствуют, потому что мы обе троечницы. Они периодически делают попытки рассадить нас по разным партам, но безуспешно. Мы же не горшки с рассадой салата и имеем право на свободу личности.

Я достала из пакета два еще горячих пирожка с яблоками, испеченных утром бабушкой.

– Ну? – жуя пирожок, спросила я.

– Ролики накрылись медным тазом... – вздохнула Лиза. – Отца сократили в издательстве, а Тёмке нужна и коляска, и фруктовые смеси, и еще куча всего! Сказали, чтобы я потерпела... Терплю! Ну а у тебя?

– А у нас Лидочка! – И я широко открыла рот и взвыла басом, изображая пожарную машину: – А-а-а-и-и!

Мой вопль многократным эхом прокатился по всему лестничному маршу. Непрожеванный кусок пирожка вылетел изо рта и прилепился к стене напротив. Лиза фыркнула.

Мимо нас как раз неслась соседка с доберманом Пифом на поводке (лифт по субботам, конечно, не работает!). Пиф тащил ее за собой с большой прытью, так что она рисковала навернуться на ступеньках, а тут он еще в сторону шарахнулся от моего вопля...

– Хулиганки! – взвизгнула соседка, проносясь мимо.

Пиф не удержался и на повороте нервно задрал лапу, прочертив струей кривую на двери лифта...

– А вы не хулиганка? – огрызнулась Лиза, тыча пальцем в желтые подтеки.

Соседка широко открыла рот для продолжения дискуссии, но Пиф рывком поволок ее дальше вниз по лестнице.

Тут Лизу позвали, и я тоже тоскливо потащила́сь домой писать сочинение. Дома ничего хорошего не предвиделось: с вечера у нас оставалась ночевать мамина сестрица – Лидочка. Мне она тетя.

«Тетя» – какое глупое слово!

О сочинении думать тоже не хотелось.

В последнем опусе на тему «Кем ты хочешь стать» я честно написала – поваром! И на всю страницу расписала рецепт пирога с курагой.

За ошибки и тупое раскрытие темы мне вlepили трояк.

Дома долго орали, что я позорю «высокие» идеалы интеллигенции, и возмущались тем, что я думаю только о еде.

Да ничего я вообще не думаю!

Ну и, конечно, задавили коллективным чувством нравственного превосходства!

А Лида еще ехидно прозвала меня – «наша госпожа Похлёбкина»!

В общем, я поняла, что ИСКРЕННОСТЬ и ПРОСТОТА – это вещи наказуемые!

С нашей Лидой тяжело! Когда она утром появляется из дверей ванной в бархатном халате цвета индиго и крупных бигуди на голове, то в доме сразу повисает грозная атмосфера. Как будто большая лиловая туча заполняет квартиру. И скандал рождается сам, безо всякой причины, из воздуха, наподобие шаровой молнии.

Лида совершенно искренне считает, что мама с бабушкой меня «распустили». Странное слово! И я представила себя в виде вязаного шарфа с болтающимися нитками, которые за всё цепляются. Я вздохнула.

Да уж, лучше Лидочке на глаза не попадаться в надежде, что ее гнев найдет других жертв. И я мышью шмыгнула к себе в комнату.

Наша училка по русскому, Вера Александровна, дала задание каждому написать подробную историю семьи.

«Это сейчас очень модная тема – наши корни! – пояснила она. – Так что поинтересуйтесь у своих родных, кто у вас были дедушки, бабушки и прапра... Думаю, это будет всем интересно».

Я долго тянула с заданием, потому что мне, честно говоря, наплевать на эту нашу биографию, но в конце концов время стало поджимать, и я решила порасспрашивать про своих «прапра» бабушку.

Бабушка готовила на кухне и несколько насторожилась:

– А это еще зачем?

Я ей все подробно объяснила.

– Ну, была же тетя Вера. А вот дядя Илья, который умер до моего рождения, – кто он нам?

– Седьмая вода на киселе! – проворчала бабушка. – А довоенное поколение все сгинуло: кто в блокаду умер, кого расстреляли ни за что... – Потом повозила тряпкой по столу и сказала: – Нечего прошлое ворошить!.. – и ушла.

– Ха! – фыркнула мама. – Твоя Вера Александровна хочет интересных биографий! Интеллигенции – раз-два и обчелся, а все эти новые русские – лавочники и мешочники в душе да комсомольские работники в натуре! Славные у них биографии!

Лида меня тоже огорошила:

– Конечно! Распиши семейные тайны и опозорь нас на весь белый свет!

Тогда я решила не углубляться в прошлое и начать историю семьи с бабушкиной биографии.

Она у нас – военный хирург, работала вместе с тетей Марусей, операционной сестрой, своей боевой подругой, как она ее называет. Сначала они трудились в «горячих точках» при полевых госпиталях, потом уже здесь, на «скорой», потом еще где-то...

Я представила, как в сочинении привожу высказывания тети Маруси о семье, строе и государстве, в котором мы живем...

Вера Александровна, читая, будет периодически протирать бархоткой очки в тонкой золотой оправе и шмыгать птичьим носиком... Она увлекается поэтами Серебряного века и произносит слово «поэты» с долгим протяжным «э-э-э».

А тетя Маруся все больше нажимает на согласные... Когда мы захотели взять в дом серую кошку, то она сказала: «Зачем? Кошка только нас-с-сыт везде, нас-с-сыт во всех углах, и под кроватью нас-с-сыт!» Она так звучно выговаривала букву «с», что бабушка воочию представила, как кошачья моча по капле просачивается соседям на голову, и запретила.

«Эта твоя Маруся, – нервничает мама, – при ребенке (это при мне!) говорит такое, что уши вянут...»

«Зато руки у нее золотые! Сколько людей спасла! Война – это тебе не трактаты писать!..» – огрызается бабушка.

Фантастика! Родственники моих друзей даже не подозревали, что где-то идут войны, есть «горячие» точки, гибнут наши солдаты. Но только не наша семья!

Бабушка с тетей Марусей полжизни трудились на этих войнах, и всё спасали и спасали чужие жизни, а потом сами с трудом вписались в мирную жизнь, и теперь их уже самих нужно было «спасать»....

У моей бабушки две дочери. Сложность в том, что дочери у бабушки от разных отцов. Лида старше моей мамы на три года и, как шепотом рассказывала кому-то бабушка, – подарок никому не известной войны в Египте. Она родилась несколько месяцев спустя после гибели своего отца, который подорвался на mine.

Для начала я выяснила, что наша Лидочка врет, рассказывая, что ей тридцать шесть.

Я сунулась в Интернет, интересуюсь, что это за война была в Египте, и узнала, что была она в 1969–1974 годах, и за всю войну там погибло сорок девять советских специалистов, из которых только ОДИН подорвался на mine.

Открытие – супер! Такое везение – одно на миллион! Правда, я не рискнула поделиться им с Лидой...

В то время про нашу военную «помощь» Египту помалкивали, и Лидка оказалась дочерью неизвестного солдата, сгинувшего на неизвестной войне. Поэтому детское пособие бабушке на Лидочку не выплачивали.

Хорошее начало!

От своего загадочного отца она унаследовала пышные ярко-рыжие волосы, цвета заходящего солнца в пустынях Египта, и несносный характер. Хотя мне кажется, что характером-то она скорее пошла в нашу породу.

А еще от Лидочкиного отца осталась странная и печальная песня, которую бабушка с тетей Марусей всегда поют хором в какие-то только им памятные дни.

Этот город в далекой саванне – мираж,
Показался и снова в горячем тумане растаял.
Этот город в далекой саванне не наш,
Но прикажут – и он будет нашим во что бы ни стало.

Куда нас, дружище, с тобой занесло,
Наверно, большое и нужное дело?
А нам говорят: «Вас там быть не могло,
И кровью российской земля не адела!..»

И конечно, обе тихо плачут... Ненавижу я эти семейные «памятные» даты! Так что Лидочкин отец – это мираж!

Через три года родилась мама, и тоже – тайна, покрытая мраком. Бабушка в это время оперировала во Вьетнаме...

Но мои намеки – не подорвался ли и этот дедушка на mine – она отмела сразу: «Что еще за глупости! Мы с ним просто разошлись. Человек он был хороший, но слабый! Семейная ноша ему была не по плечу!»

И я представила себе хилого и тщедушного «дедушку», который на полусогнутых ножках тащит на себе всю нашу семью!

Напишешь с ними сочинение!..

В общем, фотографий сестриных отцов в нашем семейном альбоме нет. Но он так заполнен фото сестриц в купальниках – сначала на Черном море с нашей стороны, а потом на том же море, но уже с другой стороны, – что места в нем нет. Ну, правда, в нем присутствует несколько моих младенческих фото – такого противного голого дитяти...

«Посмотри, каким миленьким ребенком ты была! И во что выросла!» Хотя трудно назвать эту противную докторскую колбасу с глазками и радостно открытым ртом – «миленькой»! Фото с гордостью показывали всем проходящим в дом, так что я решительно сократила их количество.

Да, забыла сказать. Мою маму зовут Евгения. Видимо, планировалось появление мальчика. Тут я у бабушки поинтересовалась, имела ли она в виду евгенику – науку об улучшении наследственности человека, когда называла маму Евгенией. Или это я «улучшила» нашу наследственность?

«Умные все очень стали!» – разозлилась бабушка.

Своих дочерей она вырастила сама, дала им образование и, как она любит говорить, – «моральные устои». Только личная жизнь их не очень сложилась. Тут бабушка была бессильна.

«Лида очень разборчива с женихами, – говорит бабушка, – надо иметь меньше амбиций, а то так можно никогда не выйти замуж!» Про маму она такого не говорит, а только скорбно поджимает губы, потому что мама, видимо, была не так разборчива с женихами, в результате чего появилась я.

И именно я теперь являюсь причиной того, что мама никак не может выйти замуж. Замкнутый круг!

Тема «личной жизни» постоянно присутствует в домашних скандалах: это такая «заминированная» территория, где опасно сделать лишний шаг в сторону. Но, по-моему, основа всех наших бед – тусклая и непролазная бедность. А тут еще и ребенка нужно «тянуть»...

«Ну уж простите! Воровать не умею!» – выкрикивает бабушка на попреки дочерей.

С большим трудом наша семья наскребла Лидочке на маленькую однокомнатную квартиру на окраине и такой же маленький автомобиль «матисс» ярко-желтого цвета, похожий на осу. Этот цвет больше всего подходит к ее ядовитому характеру, чтобы на дороге все были заранее предупреждены: не приближайся! Опасно для жизни!

Лида занимается переводами с итальянского и все еще грезит, что однажды ее увезет в Италию местный красавец... Подняв глаза к потолку, она любит вспоминать, как он сказал: «Ваши волосы горят огнем, как осенние деревья, освещенные солнцем!» Поэт! Романтик!

Потом, запрокинув голову, она начинает медленно перебирать пальцами пряди золотых волос, которые переливаются на солнце.

Позже оказалось, что этот «романтик» из Милана на фотографии – нечто среднее между торговцем рыбой и киношным мафиози. И это волосатое создание, конечно, ростом Лиде по плечо!

«О-о-о! Очередной болтун! – машет руками мама. – Лучше бы он нас всех удочерил».

И я представила, как все мы, включая бабушку, «удочеряемся» этим торгашом и, светловолосые, в длинных белых платьях, гуськом идем за ним по улицам Милана.

Моя биография проста, но тоже имеет ряд «темных» пятен. И я давно поняла, что лучше не задавать лишних вопросов. Во-первых, соврут, во-вторых – сами прицепятся с нравоучениями.

Периодически они хором твердят, что меня подменили в родильном доме. Это навязчивая идея мамы! Она очень боялась, что меня перепутают с другими новорожденными и ей подкинут чужого младенца.

Она в какой-то газете прочитала несколько таких душераздирающих историй. И часто задумчиво вглядывается в мое лицо, стараясь найти в нем знакомые черты... Интересно – чьи? Нашей семьи или своей безответной любви?

В общем, я – долгоиграющая ошибка ее молодости.

Если не считать периода детских болезней, когда все обо мне заботились, всё остальное время меня воспитывают.

Что не помешало маме с Лидой меня однажды потерять.

Потеряшка

Это случилось, когда мне было года четыре. Был солнечный апрельский день, и они застряли у магазина на Литейном, радостно и возбужденно обсуждая витрину с тряпками, а меня подхватил людской поток и понес. Я испугалась и заревела. Какая-то бабка вызвала полицейского, и меня на «уазике» отвезли в отделение полиции.

Был конец рабочего дня, и мне там никто не обрадовался. Тетка, ответственная за малолетних преступников, долго орала на привезших меня полицейских, потом забрала в свой кабинет, где в шкафу за стеклом сидели три пучеглазые куклы и пупс. Но трогать их не разрешалось, а только смотреть через стекло, которое тоже нельзя было «лапать грязными руками!».

Инспекторша была с иссиня-черными волосами, торчавшими в разные стороны, и ярко накрашенными губами. Она наклонялась ко мне, требуя ответа: есть ли у меня родители? Я видела лишь ее шевелящийся кровавый рот и твердила: папы нет, мамы нет, где бабушка, я не знаю!

«Вот, – сказала тетка, – рожают неизвестно зачем, потом бросают за ненужностью! А я должна с этим разбираться!»

Мы с тетей-полицейским пребывали в угрюмом противостоянии, когда часа через два в отделение полиции влетели зареванные и перепуганные сестры.

И тут огненный рупор инспекторши, извергающий всякие гадости, нашел новых жертв. Сначала она хорошенько излаяла сестриц, а потом потребовала доказательств, что я именно их дитя, потому что я сестрам не обрадовалась – нет! Я на всех обиделась, решив их не признавать, и насупленно сгорбилась в углу. Сестры обалдели. Я торжествовала, когда увидела, как они, униженно сюсюкая, пытаются ко мне подлизаться.

Не знаю, как долго бы все это тянулось, но тут Лида, наклонившись ко мне с милой улыбкой, тихо прошипела: «Мы тебя сейчас, дрянь такая, оставим ночевать с этой мегерой!»

И я сдалась, подошла и взяла маму за руку.

Оформление бумаг заняло еще час, и, когда мы гурьбой, вместе с тетей-инспекторшей, вывалились из полиции на улицу, уже стемнело.

«Ну что за уродский ребенок!» – ругались мамаша с Лидой.

Но потом Лида махнула рукой и сказала, что такую кошмарную историю «надо заесть!», и мы пошли в кафе-мороженое. Я вспомнила, как мне удаляли железы, тогда тоже кормили мороженым.

Бабушке же о наших «приключениях» мы дружно НАВРАЛИ!

С этого дня я постоянно думаю, нужна ли я им и любят ли они меня...

В жизни всегда есть место подвигу

Было тихое воскресное утро, хмурое и сонное. Все куда-то разбрелись, и мне светило приятное одиночество. Я включила музыку и только приготовилась словить кайф, как мимо на высоких каблуках проскакала маменька, роясь в сумке в поисках губной помады. Она подскочила к зеркалу и, сложив губы «куриной гузкой», стала их красить.

– Я побежала! Не забудь, что сегодня ты ведешь обедать Антона Ивановича!

Я просто приросла к стулу!

– Мне сегодня еще сочинение писать. И вообще, это не мой дедушка! Почему я должна...

– Потому что мне некогда! Да и что тут такого сложного – отвести человека пообедать в кафе?

Вот всегда так! Все заняты, а я должна! Нашли себе Красную Шапочку!

Это отчим дяди Гены – совершенно чужой мне человек! Тоже мне, патриархальная семья! Когда нет своих дедушек, будем заботиться о чужих! С таким же успехом я могла ответить в кафе любого деда, встреченного на улице. Что, он себе кашку сварить не может и чаек вскипятить? В общем, я потащила к дедушке, который жил за две остановки на метро.

Он с радостной младенческой улыбкой помчался одеваться и возился, возился, все время что-то теряя и роняя и ругая меня, что я его дергаю и тороплю.

А я молча и уныло сидела в прихожей старой квартиры и старалась дышать еле-еле, чтобы не втягивать носом едкие запахи старости, пыли и кошачьей мочи, хотя никаких кошек не было и в помине.

Наконец мы вышли на улицу и поползли по направлению к кафе.

Здесь нас ожидало непредвиденное препятствие – нерегулируемый перекресток! Дедушка панически боялся переходить проспект. Сначала он долго упирался, не желая сойти с тротуара, потом мы сделали несколько попыток, но всякий раз на горизонте появлялась машина, и мы кидались обратно. Наконец, после десяти минут топтания на месте, я схватила дедушку за руку и доволокла его до середины проспекта. Но тут – облом: с дедушки сползли штаны, и он оказался стреноженным, как конь на лугу. Я вдруг вспомнила, что мама что-то такое говорила про дедушкины штаны (типа того, что нужно проследить, застегнул ли он их), но это совершенно вылетело у меня из головы.

Мимо проносились машины, а я, стоя посреди транспортного потока, пыталась натянуть штаны на бледные и худые дедушкины ножки.

«В страшном сне не привидится!» – как говорит бабушка.

Граждане на тротуаре с интересом наблюдали за нами и даже давали советы. Наконец мне удалось ухватить штаны с обеих сторон и встряхнуть – дедушка провалился в них, как в мешок, – и в этом «мешке» я перетащила его через вторую часть дороги, а потом доволокла и до кафе, которое было на углу.

Пока дедушка наслаждался обедом, я тупо сидела рядом и пила пустой невкусный чай. Деньги я забыла дома, а дедушка ничего мне не предложил, потому что дорого. Потом он запросился в уборную, где застрял на час. Официантка начала нервно прохаживаться около нашего столика, но я упорно смотрела в окно и думала, что на свете нет никого несчастнее меня.

Обратно мы, слава богу, добрались без приключений. Затолкав дедушку в квартиру, я поехала домой.

Дома была только бабушка. Она смотрела телевизор. Выяснилось, что мама с Лидой поехали в гости и будут поздно. Ну понятно: меня с собой не взяли и к бабушке отправили. Мне было обидно вдвойне.

Есть не хотелось, и я села к компьютеру. Сначала я уныло послала пару глупых смайликов друзьям, а затем «зашла» в мамину почту. Это было не очень красиво, но там велась в основном рабочая переписка. Ничего личного и интересного.

Я решила сделать мамочке сюрприз и вставить ее фото в рамку. Не люблю, когда все анонимно. Я скачала наши летние фотографии с цифровика и, обработав немного мамочкино пляжное фото в «фотошопе», сократила его до бикини. Получилось славненько, такое интригующее «ню». Думаю, что деловая переписка увеличится в разы.

Потом мне захотелось расставить летние фотографии в разделе «Фото со мной» – зачем же ему пустовать, когда столько чудесных фотографий?!

Я начала с Лидочкиных. Вот она только что проснулась, рот широко открыт, глазки выпучены и не накрашены. Чудесно! Рубашечка, конечно, мятая, но «во всех ты, душечка, нарядах хороша!». Так и подписала... Пока я устанавливала фото в альбоме, нажала кнопку «Голосование», и оно не заставило себя ждать. Лидочкино фото получило аж несколько призовых «10»!

Не жалко людям денег!

Хорошо скомпоновались фотографии, где Лидочка лезет в лодку – вид сзади, – под названием «Ветер», и где она задумчиво чешет нос, под названием «Вдохновение». Эти фотографии тоже ожидал большой успех!

Дальше мне попалось несколько расплывчатое фото дяди Гены, с кислой улыбкой. Рядом его раздолбанное авто. Не смог он, нет, и никогда не сможет, по мнению бабушки, заработать себе на приличный автомобиль... Ладно, назовем фотку – в каком классе они там вместе учились? – «Чудак из 5-го „Б“».

Неплохое совместное фото мамы и Лидочки, где они, щурясь от солнца, сладостно улыбаются в объектив. Я подписала его «Долгое ожидание». Высоких оценок этот опус не получил.

Бабушка на фотографиях выглядела достойно. В альбом я поместила фото, где она на даче держит в одной руке вилы, а в другой лопату. Ветер развивает седые пряди волос, выбившихся из прически. Хотела подписать «Андромаха», но не была уверена, что та пользовалась вилами и лопатой.

Убедившись, что у семейного фотоальбома «Фото со мной» – аншлаг, я выключила компьютер и отправилась обедать. Даже аппетит появился.

– Ну до чего же подлая гадина! – орала Лидочка.

– Нет, ты только посмотри, что этот идиот написа-ал! – стонала мама. – «С интересом ознакомился с Вашим сайтом. Не знал, что у Вас столько достоинств!» Он же мой научный руководитель!

– Я ничего не понимаю в вашем компьютере и не знаю, что она там натворила, но в воскресный день вы могли бы уделить время ребенку и отвезти ее на природу! – заступилась за меня бабушка.

– Правильно! И там ее и оставить! Светлая мысль! – хмыкнула Лида.

Про мой поход к бабушке в перепалке спросить забыли, а я и не напомнила.

Потом они сели к компьютеру чистить страницу и долго над чем-то хихикали.

Перед сном я была прощена.

Да, забыла представить дядю Гену. В семейную летопись он не вписывается никаким боком, хотя постоянно присутствует в нашей квартире. Тихий, затюканный сотрудник в каком-то умирающем научном институте. Наш дом был когда-то ведомственным. Ведомство развалилось, а люди остались.

Так дядя Гена оказался в доме на правах вечного друга и даже как бы обрел семью в виде двух сестриц, меня и бабушки. Он был посвящен во все перипетии нашей бестолковой семейной жизни.

«Ну всё не как у людей!..» – вздохнула как-то бабушка.

«А как, бабушка, у людей?» – спросила я.

«Ну... не знаю я, Саша, не знаю!» – честно призналась бабушка.

Вот всегда так, о чем ни спроси!

«Не охваченной» сочинением оставалась еще тетя Вера. Она воспитывала сестер, когда бабушка оперировала в «горячих точках». Вера была редактором в издательстве, и, наверное, благодаря ей, сестры не пошли в медицинский, а обе стали филологами.

Я ее почти не помню.

Тетя Вера была членом партии, поэтому именно она всегда ходила на родительские собрания в школу, где учились сестры.

Я попыталась выяснить у бабушки про нее.

Но бабушка погрузилась в какие-то свои воспоминания:

– Однажды наша Лидочка насвинячила, и в школу отправилась Вера. Специально надела шляпку и новое габардиновое пальто с хорьковым воротником... Кстати, что-то я давно его не видела! – оживилась вдруг бабушка.

Мама за ее спиной выразительно закатила глаза и изобразила страдальческий оскал морды несчастного хорька – единственное, что осталось от пальто после того, как его сожрала моль.

И тему срочно сменили, чтобы бабушка не разозлилась, узнав, что Верино габардиновое пальто давно отправлено на помойку.

Я села и написала план сочинения, расписав всю семью по годам рождения:

Бабушка родилась в 1941 году. В 2011 году ей будет 70 лет. (Юбилей будем праздновать, хотя бабушка упирается. Проблема, что ей подарить!) К концу блокады ей было пять лет.

Лида родилась в 1972 году. Отец погиб в Египте при разминировании. Герой?

Мама родилась в 1975 году, когда бабушка работала во Вьетнаме. Отец – офицер. Жив?

Тетя Маруся родилась в 1937 году. Она старше бабушки на четыре года.

Дядя Гена родился где-то на границе 1970–1971 годов (нужно уточнить у него.)

Тетя Вера? (Уточнить, в какой партии она состояла.)

Я родилась в 1998 году. Мне 13 лет. Папочка – черная дыра во Вселенной.

И тут я впервые задумалась: а какой он, МОЙ ОТЕЦ? И мне захотелось что-нибудь о нем узнать. Но лучше пока я о своем желании промолчу.

Я посидела, подумала и решила, что не буду я описывать всю нашу нелепую семью, на радость Вере Александровне.

На половине страницы я перечислила бабушкины награды и «горячие точки», где она их заработала.

Сочинение получилось суховатым, вроде подстрочного перевода с английского. И я подумала, что неплохо бы украсить все эти скудные сведения эпитафией, и пошла к маме за советом.

– Не мешай: я работаю! – не поворачивая головы, сказала мама.

– Ну, мам, мне очень нужен эпитафия к бабушкиной биографии. Подскажи! – канючила я.

– «А сейчас мы отрежем ему ногу-у!» – пропела она. – Это из оперы про летчика Маресьева! Классика!

Я посмотрела на ее затылок, где озорно торчал короткий, схваченный резинкой кудрявый хвостик, как у йоркширского терьера, и, вздохнув, вышла.

Этот выстраданный опус получил кислое «три» за недостаточное раскрытие темы и скудный объем.

Глава II

Превратности зимы

«Семейный розмарин»

У нас в кухне на окне стоял огромный горшок с кринумом. Один раз в год, зимой, из луковицы сбоку от гигантской розетки с листьями появлялся цветонос, на котором потом распускались шесть шикарных бледно-сиреневых цветов. И вся кухня наполнялась чудесным ароматом, чем-то похожим и на ваниль, и на розу. Все восхищались, нюхали цветы, и к нам специально приходили гости – понюхать и посмотреть наш кринум.

Но все остальное время года бабушка ругалась, что этот цветок полностью закрывает окно и лишает кухню света. И однажды она позвонила в Ботанический сад и попросила его забрать.

Когда я вернулась домой из школы, то обнаружила пустой подоконник.

Я расстроено молчала, а бабушка мне рассказывала, что сотрудники, приехавшие забрать цветок, сказали, что это не кринум, хотя она точно знает, что это он: в нашей старой энциклопедии 1903 года это растение и описано, и нарисовано! Просто эти сотрудники сами ничего не знают.

Так она обиженно бухтела, но думаю, что ей тоже было очень жалко цветок, который еще и обидели напоследок.

Света стало больше, но кухня очень осиротела, и я решила купить в цветочном магазине какое-нибудь небольшое растение. Хотя это подло – менять друзей.

В магазине я долго разглядывала горшки с цветами и остановилась на скромном декоративном растении с четырехгранными побегами и красивым названием: «стапелия пестрая». Унылая продавщица задумчиво сказала, что оно не разрастается вширь и даже цветет, ткнув крашеным ногтем в бутон на конце побега.

Через неделю, убегая в школу, я увидела, что, наверное, уже сегодня бутон раскроется.

Вернувшись из школы, я застала на кухне всю семью и страшный разгром.

Мебель была отставлена от стен, а Лида курила и давала советы взмыленным дяде Гене и маме, которые отодвигали от стены буфет. Бабушка «страховала» буфет от падения, поскольку его двигали вместе со всей посудой.

Мне они очень обрадовались как дополнительной рабочей силе и потребовали включиться в танцы вокруг буфета.

– А что случилось? Вы уронили за буфет бабушкину пенсию? – Мне очень хотелось есть, а тут такое!

– Бабушка утверждает, что за буфетом скончалась мышь! – хмыкнула Лида.

Не дав времени на осмысление информации, бабушка скомандовала:

– Нужно найти эту мышь, а то мы задохнемся! Сашка! Ты еще не принялась к смраду!

Определи, откуда исходит зловоние!

И все с надеждой уставились на меня.

Я было возмутилась, что мне отвели роль собаки-ищейки, но решила с сумасшедшими не спорить – это опасно для жизни – и стала втягивать носом воздух.

Запах действительно был омерзительный. Мышь, видно, сдохла давно (как говорила наша дачная хозяйка Клава, вылавливая очередную вздутую мышь из колодца: «Мышка спортилась!»), но шел он вовсе не из-под буфета...

Все время приносиваясь, я двигалась по кухне под напряженные взгляды окружающих и – о ужас! – наконец поняла, откуда исходит этот кошмарный запах... На окне сиял огромный, сантиметров десять в диаметре, великолепный бархатный желто-пурпурно-черный цветок и также «великолепно» вонял! Этот красавец испускал отвратительный запах падали...

Проследив за моим взглядом, все подошли поближе и молча уставились на мое приобретение.

– Ну конечно, это только Сашка могла... – завела мама свою любимую песню.

– Убить мало! Столько времени ухнули, а еще всё по местам расставлять! – злилась Лидочка. – Ее нужно без обеда оставить!

– Семейный розмарин! – заржал дядя Гена.

– Кринум вам не нравился! Сами виноваты! Откуда я знала, что он так воняет! – сказала я, забирая «сокровище» к себе в комнату.

То-то у продавщицы глазки бегали! А как она радовалась, когда я купила этот цветочек!

К вечеру все успокоились, а потом еще долго смеялись над «сдохшей мышью под буфетом».

Великий и могучий

На выходные бабушка все-таки решила осуществить «вывоз ребенка за город – дышать воздухом». Наши с мамой слабые возражения она сразу отмела, и в воскресенье мы все в десять утра загрузились в переполненную электричку.

День был промозглый, освещенный тусклым зимним солнцем. Куда все дружно ехали в этой электричке – сказать трудно, но, протискиваясь между сырыми рюкзаками и сумками, остро пахнущими разной снедью, мама с бабушкой сумели найти места. Мне же пришлось стоять.

Сзади на меня напирала какая-то громадная тетка, с боков я была сдавлена дедушкой с двумя мешками и подростком с рюкзаком.

В Озерках в вагон влезло еще больше людей, и стало просто невозможно дышать. Ну прямо великое переселение народов! Я с грустью вспомнила свой диван, компьютер. Даже домашнее задание по литературе захотелось сделать. И мне стало очень тоскливо.

Утром мы еще поссорились с бабушкой, конечно, как всегда, из-за Лиды, и я назвала бабушку ШПИОНОМ и ПРЕДАТЕЛЕМ. Она страшно обиделась.

Но сейчас мне ужасно захотелось есть. А у бабушки в пакете лежали еще тепленькие пирожки и завернутая в кальку гора бутербродов с сыром и ветчиной. Я немного потопталась, выжидая для приличия, когда мы хотя бы на пару станций отъедем от города, и принялась канючить.

Бабушка сидела прямая и строгая: она на меня все еще сердилась и делала вид, что ничего не слышит. Потом вдруг по-детски просияла и громко сказала:

– Подлизываешься? Пирожков хочется? А как ты сегодня утром назвала свою бабушку на букву «Пэ» и букву «Ша»? А?

Я оторопела, а граждане вокруг прислушались и дружно озадачились «семейной» загадкой.

– Да ладно тебе, бабушка... – промямлила я. – Дай хоть бутербродик!

– Нет, ты скажи сначала, как ты назвала...

Мне стало как-то неуютно. Окружающие приняли задумчивый вид, перебирая в умах все возможные слова и эпитеты на заданные буквы, и, видимо, пришли к более-менее общему знаменателю, потому что сурово зароптали. Подросток стал гнусно хихикать.

Дедушка рядом крикнул:

– Ну молодежь, на «Пэ» и «Ша» бабушку! Да тут не пирожок дать надо!

Бабушка сияла!

Мама оторвалась от детектива, прислушалась и сказала:

– Ой, мамочка, прекрати!

– Почему – прекрати! Вот как бабушку называть на разные буквы – ей можно! А извиниться перед бабушкой, так нет!

Граждане гневно загудели. Атмосфера вокруг нас стала накаляться.

Мама задумчиво бросила взгляд в окно и воскликнула:

– Вот сейчас будут Дибунны! Здесь замечательный берег! Выходим!

– Почему здесь? Мы же решили ехать в Солнечное! – уперлась бабушка.

Но мама уже протискивалась к выходу. За ней, провожаемые недобрыми взглядами, потянулись и мы. Кошмар!

Когда мы вывалились на перрон, мама, еле сдерживая смех, сказала:

– Эти ваши детские ссоры! Чтобы я с вами еще куда-нибудь поехала! Только позориться!

Бабушка теперь надулась и на маму и обиженно засопела.

Хотели как лучше

Беды имеют тенденцию, как говорит бабушка, «снежным комом» обрушиваться на голову.

Сначала Лида помяла свой драгоценный «матисс», причем не столько его, сколько соседнюю машину. Потом маме написали отрицательный отзыв на ее работу. Ну а мне вlepили двойку по химии, и вовсе не за знания – они были просто нулевые по этому предмету, – а за поведение. Даже не хочу об этом рассказывать!

А сегодня случилась настоящая беда. Ночью скоропостижно скончалась наша соседка, Александра Ивановна.

Бабушка очень дружила с двумя пожилыми двоюродными сестрами, Александрой Ивановной и Анной Давыдовной, из соседней квартиры. Соседки были маленького роста, сероглазые и никогда не унывали.

Прямо так сказать бабушке о случившемся было нельзя: у нее слабое сердце, и мы с мамой решили ее сначала подготовить. Скрывать смерть соседки было не просто еще и потому, что нам пришлось принимать живейшее участие в организации поминок.

Бабушка что-то подозревала, делала «каменное» лицо, но молчала и вопросов типа: зачем Анне Давыдовне понадобилась очередная кастрюля? – не задавала.

Настал момент, когда дальше скрывать смерть Александры Ивановны стало невозможным: утром мы все должны были ехать на отпевание в Троицкий собор.

Анна Давыдовна забрала последнюю, громадную кастрюлю для кутьи, и мы с мамой пошли в бабушкину комнату.

Мы немного потоптались перед дверью, и мама мне шепнула:

– Давай ты будешь говорить. У тебя лучше получится.

Я так я.

Мы зашли. Мама осторожно поставила на тумбочку у двери стакан с водой и корвалол. Глядя в пол, мы боялись даже посмотреть в бабушкину сторону.

А бабушка сидела в кресле у окна, прямая, строгая, с плотно сжатыми губами, и на лице у нее застыло скорбное выражение. Она уже себя «накрутила», вспомнила все жизненные горести и обиды и ждала момента, чтобы нам их художественно изложить.

– Бабушка! – сказала я трагическим голосом. – Случилось непоправимое: скоропостижно скончалась Анна Давыдовна! – И замерла с раскрытым ртом, потому что действительно случилась катастрофа: я перепутала соседок!

В образовавшейся тишине мама вдруг «хрюкнула» и, не в силах бороться с глупым смехом, тихо проговорила:

– Почила в бозе вместе с нашей единственной кастрюлей для солки грибов!

Тут мы обе фыркнули, потому что невозможно было уже сдерживать нервное напряжение.

Бабушка страшно разозлилась.

– Чушь! – закричала она. – Я ее только что видела! Умерла Александра Ивановна! Я знаю, что все скрывали от меня ее смерть, и ждала, когда же мне наконец СКАЖУТ! Но вы, две идиотки, из всего устраиваете цирк!

– Мамочка, прости! Мы хотели тебя подготовить! – всхлипывая от смеха, сказала мама. Бабушка ругалась долго, но корвалол ей не понадобился.

История про блокаду

Бабушка сказала, что если я хочу драников – это такие оладьи из тертого картофеля, – то должна сама натереть картошку, а она потом мне их поджарит. Это настоящее мастерство – хорошо пожарить драники, чтобы они не прилипли к сковороде и в меру подрумянились. Морока с ними та еще! Бабушка делает их без муки и яиц и с пеной у рта отстаивает рецепт: тертый на крупной колючей терке картофель посолить, обмять ложкой и жарить на раскаленном подсолнечном масле. Так учила бабушку ее польская тетка, пани Данута, а в Польше это национальное блюдо.

Пани Дануты уже давно нет на свете, а бабушка, как смеется мама, все сражается с «неверными» с фанатизмом первых христиан, имея в виду и неверный рецепт, и всех тех, кто покусился на святыню – классический рецепт драников.

Лидочка надменно называет драники «чадной кухней нищеты», но в то же время способна за раз умять их не меньше дюжины. Просто нюх у нее на них.

Только мы с бабушкой, нажарив целую сковородку драников, уселись поудобнее, заварили чай и принялись за еду, как примчались мама с Лидой и с воплями, что нечего мне наедаться и толстеть, опустошили всю тарелку. Мама тут же, неудачно подцепив вилкой последний драник, умудрилась посадить жирное пятно на блузку и, присыпав его солью, умчалась в ванную застирывать.

Лида была какая-то взвинченная, и ей явно хотелось затеять скандал. Она решила воспользоваться ситуацией и томно сказала:

– А яичко этим оладьям не помешало бы... Кстати, в официальном рецепте драников оно присутствует...

Такое кощунство бабушка вынести не могла.

– Данута всегда говорила...

– Фу-ты ну-ты, твоя Данута! Это после войны голую картошку ели да при социализме! А сейчас, слава богу, капитализм и яйца купить не проблема... Еще блокаду вспомни! – Лида воинственно крутила пальцем локон.

– Особенно если едоков четверо, а пенсия одна! А про блокаду ты не кощунствуй! Я выжила, потому что отец умер в первых числах февраля и его карточка досталась нам с матерью. Умри он на десять дней позже – и нас тоже бы не стало! И вас бы не было! – рассердилась бабушка.

На счастье, из ванной пришла мама.

– Ой, Лидка, прекрати! А ты, мамочка, ее не слушай! – стала их успокаивать мама. – Вас ни на минуту нельзя оставить одних – обязательно переругаетесь!

Тут вырубился свет. У нас это часто случается зимой. «Что вы хотите? Все греются да чайники навключали!» – огрызается тетка из аварийной службы.

Лидочка сразу принялась туда названивать, потом, накинув меховой жакет, умчалась на лестницу – руководить восстановлением электричества. Давать советы и руководить – ее стихия.

А мы зажгли свечи и уютно устроились с бабушкой на диване.

– Бабушка, а ты хорошо помнишь блокаду?

– Что-то помню, что-то нет! Человек так устроен, что старается забывать всякие ужасы. Иначе как жить? – устало проговорила она.

– Ты бы воспоминания написала, вон по радио все время какие-то дети блокады выступают...

– Врут много! Что я, маленькая, могла запомнить? Только холод и постоянный голод. Так, какие-то эпизоды... Как-то мама послала меня вместе с соседкой карточки отovarивать – стоять в многочасовой очереди в булочную рядом с домом, а тут завывла сирена и начался обстрел. Блокада уже заканчивалась, но город еще бомбили. Люди из очереди побежали в бомбоубежище на углу улицы и меня с собой потащили. Забежали мы в подъезд дома и стали спускаться по лестнице в подвал. А я вдруг вспомнила, что мама мне велела без нее ни в каких убежищах не прятаться, а бежать домой по той стороне улицы, где меньше бомбят. Я вырвалась из рук молоденькой дежурной и побежала. Она мне кричала, чтобы я немедленно вернулась... А тут как раз снаряд – прямым попаданием в эту парадную! И всех, кто был в бомбоубежище, накрыло взрывом, а от соседки и девушки-дежурной и следа не осталось. И от дома – только фундамент! Вот так вот! А я стояла, оглохшая от взрыва, и смотрела на то место, где минуту назад были дом и девушка, все поправлявшая выбивающиеся из-под пилотки светлые пряди волос...

– А ты очень испугалась? Ты заплакала?

– В блокаду не боялись и не плакали – силы берегли... Я просто смотрела... Мама говорила: толпа притягивает беду! А девушку-дежурную я и сейчас помню... Ну всё, хватит об этом!

Тут дали свет, и бабушка пошла на кухню.

А я сидела и думала про БЛОКАДУ.

Когда тайное становится явным

На следующий день бабушка объявила:

– Уж не знаю, хорошая эта новость или не очень, но вчера звонил Сева и сказал, что прилетает на конференцию читать доклад. И будет не один, а с неизвестной нам Марусей. Просил разрешения остановиться у нас на два дня.

– Последний раз с ним была Нюша, – вгрызаясь в яблоко, ядовито заметила Лидочка.

– Да нет! Ксюша! Археолог из Нарьян-Мара, – стала спорить мама.

– Так! – сурово сказала бабушка. – Это не наше дело! Раз Маруся – пусть будет Маруся! Мы же обязаны оказать моему крестнику, а вашему троюродному брату гостеприимство! Лучше подумаем, где мы их разместим?

– Только не в моей комнате! Севка мне новый палас затопчет, – решительно сказала Лида. – Посели их у Сашки! А она пусть у тебя переночует!

Ну конечно! Меня – к бабушке, и моя ночная переписка ВКонтакте накроется на два дня... Ну, Лидка! Палас, видите ли, у нее новый!

Дядя Сева – большой, шумный и непредсказуемый, как медведь, – наш дальний родственник. И работает он метеорологом тоже далеко – где-то на Севере. И, как говорит бабушка, вечно сваливается как снег на голову! А Лидка ехидничает, что это именно он портит погоду всей страны.

В воскресенье, с утра, бабушка напекла заварных булочек к завтраку, к обеду сварила густой борщ, нажарила котлет, а к ним – большую миску винегрета, а ещё капустный пирог и много чего вкусного на десерт.

Когда раздался звонок в дверь, мы все были при полном параде. Даже мне велели надеть новый серо-голубой свитер.

Сначала из распахнутой двери появились огромные рога северного оленя, и нам всем пришлось дружно отодвинуться, чтобы они влезли в нашу прихожую.

За ними показался смеющийся и розовый с мороза дядя Сева. Он бросил на пол рога, поставил большую спортивную сумку и схватил в объятия бабушку, а потом и всех нас, по очереди.

– Ой! – вдруг вспомнил дядя Сева, протирая запотевшие очки. – Я же вас не познакомил! Маруся, заходи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.